

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. **НОВЫЙ САТИРИКОН**

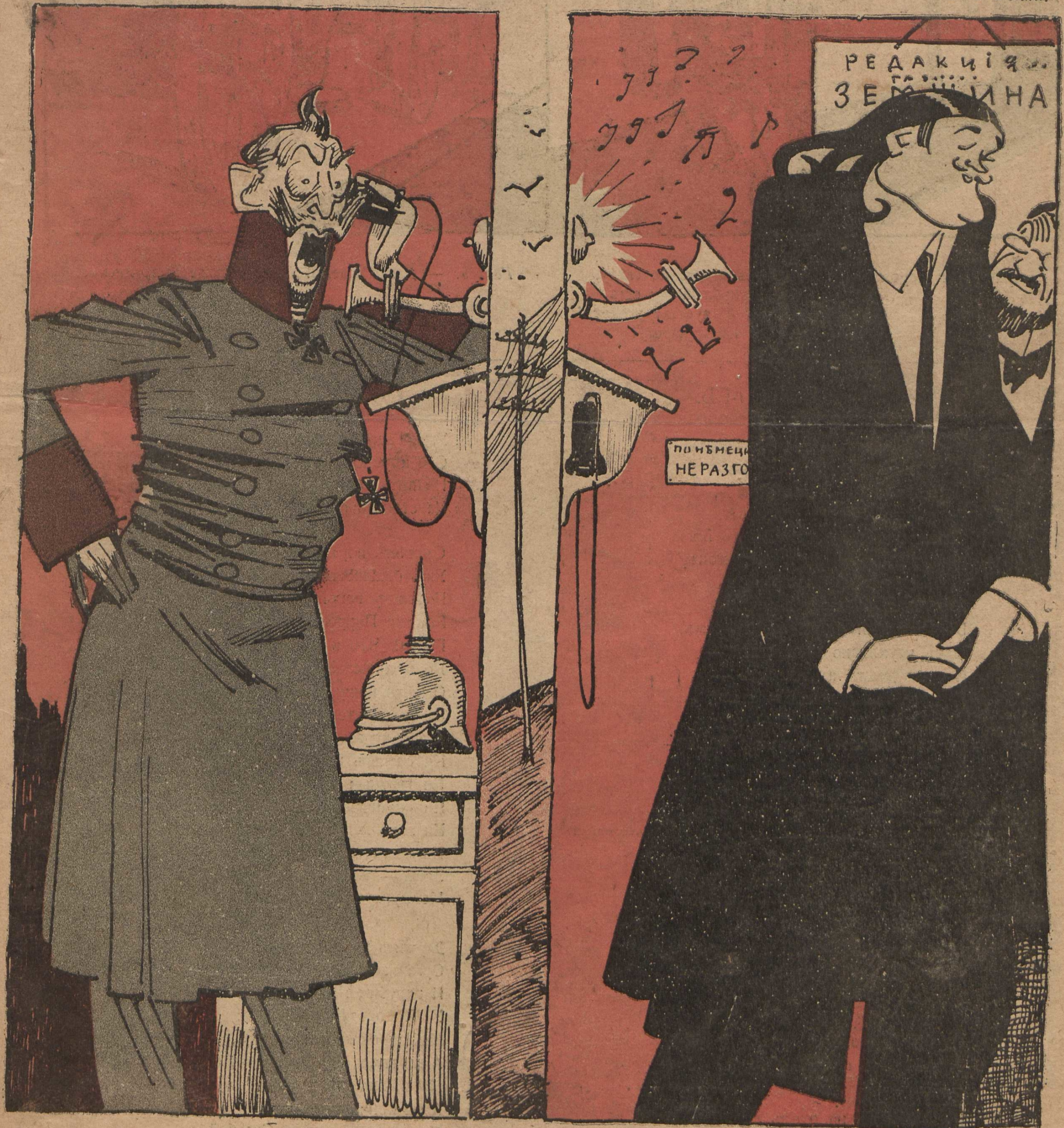
№ 34

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

20 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.



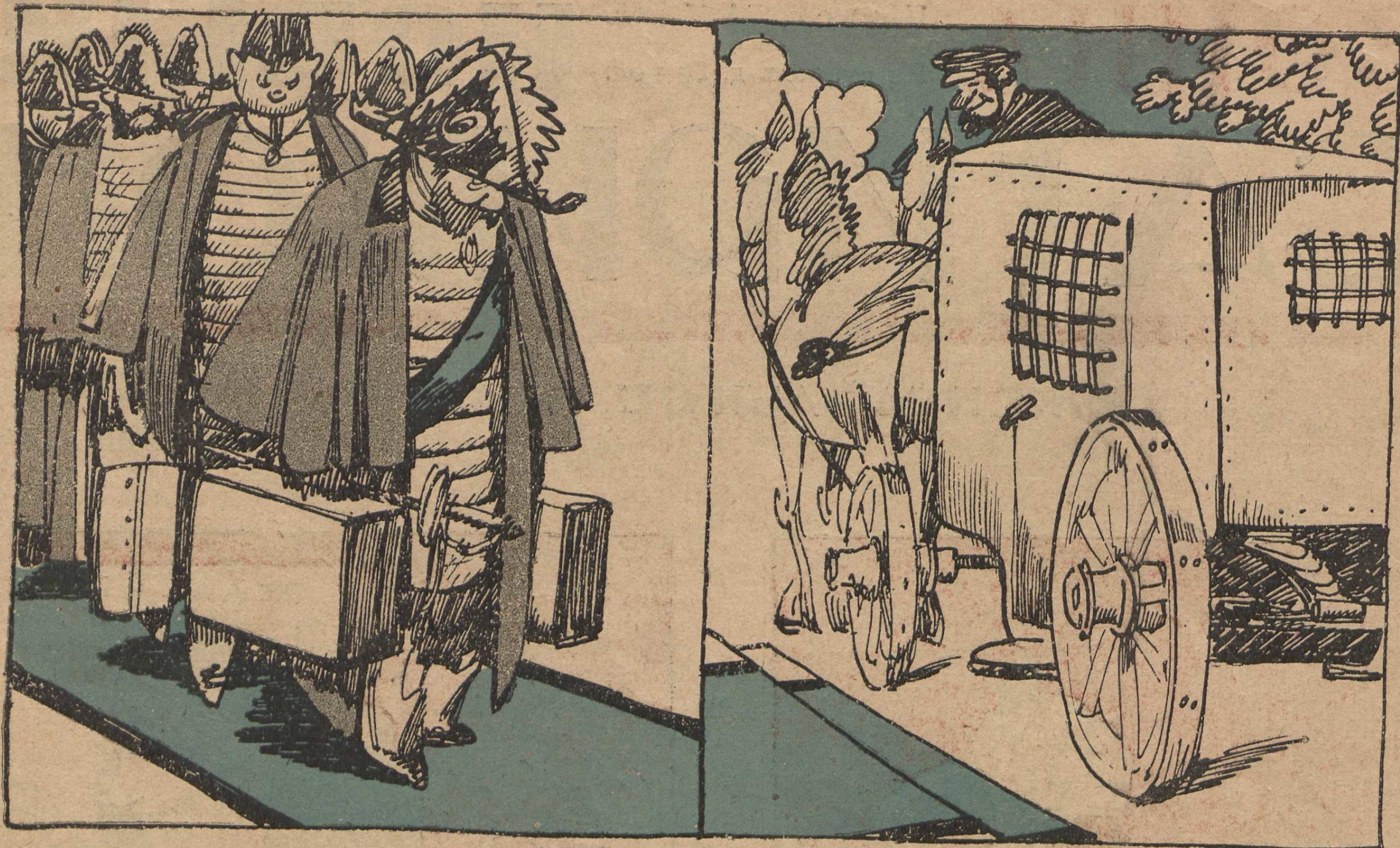
„Россіи мы вамъ не уступимъ“.
(Изъ рѣчи Маркова II)

ПАТРИОТЪ ИЗЪ ПАТРИОТОВЪ.

Сотрудникъ: — Звонятъ! Я подойду къ телефону...

Библиотека **Марковъ II** (озираясь): — Ради Бога не подходите: у насъ, знаете, телефонъ не дезинфицированъ...

им. Н. А. Некрасова



Губернаторы (хоромъ): — ... Пойдемъ искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть
чувству уголокъ!
Карету намъ, карету!

Голосъ: — Давно ждемъ! Лошади даже застоялись...

НА ПЕРЕЛОМѢ.

— Пора! — рѣшила «ихъ» печать.
И вѣрно: къ рылу ли собакъ
На всѣхъ до старости рычать,
Не испытавъ ни разу драки?
Совсѣмъ не къ рылу! Видитъ Богъ,
Полвѣка — добрый промежутокъ,
А бронированный итогъ
И упоителенъ, и жутокъ:
Вѣдь каждый олухъ видѣлъ самъ,
Какъ неуклонно горы стали —
И не по днямъ, а по часамъ —
Вокругъ Вильгельма выросали;
Какъ поколѣнія людей —
Съ умомъ скота, съ душою волка —
Варились въ накипи идей
Завоевательнаго толка;
Какъ въ каждой темной бороздѣ,
Тая бичи и скорпионы,
Всегда, повсюду и вездѣ
Шипѣли прусскіе шпіоны;
Какъ стопудовая рука
Предусмотрительнаго Круппа
Всего касалась — отъ штыка
До помѣщенія для трупа.
Еще ли это — не пора,
Отдавшись жуткому азарту,
Однимъ ударомъ, на ура,
Размежевать штыками карту?

И, навинтивъ на этотъ ладъ
Берлинъ, Юсифа и Порту,
Вильгельмъ обрушилъ сразу къ чорту
Весь политическій укладъ.
И за спиной живыхъ мишеней
Попралъ ногами письма

Международныхъ соглашеній —
Святыхъ въ былыя времена;
Увы, Гаагскіе чертоги!
Сей коронованный уродъ
Низвель убогій свой народъ
На степенъ рыцарей дороги.

Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе гонведы
Ужъ больше года подъ ружьемъ
Питаютъ вороновъ свѣжьемъ
Во имя Пирровой побѣды.
Герои! Что и говорить!
По предписанію изъ штаба
Сумѣли кашу заварить
Весьма почтеннаго масштаба!
А только все же ни къ чему —
Ни степенъ вашей подготовки,
Ни грозный «планъ не по уму»,
Ни «чемоданы», ни винтовки,
Ни замыканія «мѣшка»,
Ни мелиниты и лидитты...
Зане — тонка у васъ кишка,
Международные бандиты!

Держись же крѣпче за «дессу»,
Организованная банда,
И заруби-ка на носу
У Леопольда-Фердинанда:
Мы миновали злую грань,
А къ вамъ едва подходятъ бѣды!
Мы начинаемъ нашу брань,
А вы кончаете побѣды!
Мы станемъ вашею Судьбой,
Ниспосылающей удары,
И не избѣгнетъ лютотой кары
Народъ, дерзнувшій на разбой!

Владиміръ Воиновъ.

10 ЛѢТЪ.

(1905 г., 6 августа — 1915 г., 6 августа.)

Небо было, какъ обыватель російскій, — сѣрое-сѣрое. Дождь моросилъ, частый, осенній. Сумерки наступали.

Тонувшія въ темнотѣ колонны, выглядѣли какъ повѣшенные въ саванахъ. Пришелъ я на это мѣсто, какъ въ склепъ, гдѣ похоронены милые, дорогіе люди. Да, давно это было, — десять лѣтъ. Время красивыхъ позъ, вѣры въ себя, гордости завоевателя, молодости...

Прошелся между колоннами. Много вспоминалось. Вдругъ я увидаль у одной изъ колоннъ женщину. Страненъ былъ ея костюмъ, гордъ и жалокъ былъ видъ ея. Угрюмо смотрѣли глубокіе глаза, шептали что-то губы. Тихо подошелъ, прислушался:

— Милые мои, ты, — Муромцевъ, ты, — Аникинъ пламенный, вы, — крестьянскіе депутаты, гдѣ-то вы? Эхъ, было время! Тихо подвинулся къ ней, шопотомъ сказалъ:

— Алексинскій, Набоковъ, Головинъ, Григорій Петровъ...

Она быстро повернулась.

— Неужели, помните! А мнѣ казалось, что ужъ никто и не помнитъ о нихъ. А его помните, можетъ быть, и видали даже? Его, моего вѣрнаго рыцаря, Муромцева! Трономъ выглядѣло кресло, на которомъ сидѣлъ онъ, колокольчикъ въ его рукахъ былъ колоколомъ набатнымъ, возвѣщающимъ гражданамъ російскимъ часы великихъ скорбей и радостей. Это ужъ потомъ его превратили въ колокольчикъ, подъ дугой тройки, мчащей націоналистовъ, послѣ провала законопроекта о земствѣ, — къ икрѣ да водкѣ. Эхъ, помню я разъ, какъ шарахнулись отъ этой тройки мужички, сѣрая русская скотинка, землеробы. Издалека шли къ своимъ депутатамъ правды искать, посмотрѣли вслѣдъ, усмѣхнулись:

«— Пока дворянская кость гуляетъ, — крестьянская ноетъ, да не бѣда, есть и у насъ защита: Дума! — Такъ сказали.

«Видѣла я ихъ потомъ въ Думѣ, съ тѣми же депутатами, что на тройкѣ ѣхали, и говорить пришлось... не догово-

рились! — Да, милый, родилась я среди великаго молчанія, — даже поѣзда не шумѣли, не ходили. Не паспортшко жалкій дань мнѣ былъ при рожденіи, а великая грамота вольностей! Чай, и теперъ не всѣ забыли. И первый разъ страна, гдѣ только и слышно было, «Ка-ра-а-а-уль!» — услышала при моемъ рожденіи:

«— Да подчинится власть исполнительная власти законодательной!

«Да, да, много ли — десять лѣтъ, а кѣмъ я только за это время ни была! Гордая я была смолоду-то. Карающей Немезидой была, Думой народнаго гнѣва. Съ гордостью на дѣтокъ своихъ смотрѣла! Была я, милый мой, и плачущей матерью Ниобеей. Тѣломъ защищала дѣтей своихъ отъ стрѣлъ громовержцевъ. Много муки я приняла тогда; а потомъ и защищать перестала, да и защищать-то, сказать по правдѣ, некого было. Мундирчики понадѣли дѣти-то мои, орденами украсились, — никакая стрѣла не прошибетъ! Саша Гучковъ такъ и сказалъ: «Чтой-то, вы, маменька, кровь-то свою драгоценную зря льете! Еще анемию получите, — выхлопывай вамъ потомъ субсидію на лѣченье!» Умный мальчикъ былъ Саша, да не любила я его: торгашь... Бывало начнетъ: «сосчитаемся, сосчитаемся!», а до дѣла дойдетъ — онъ и сѣлъ: «я, говоритъ, сызмала на счетахъ въ лавкѣ гораздъ былъ считать, вотъ и вспомнилъ дѣтство!.. Да, милый, потомъ сѣрые дни потянулись, одинъ — какъ другой. Помню разъ, бѣжитъ по кулуарамъ Павлуша Милоковъ, бѣжитъ, кричитъ: «побѣда, побѣда!» — Ну, думаю, слава Богу! Спрашиваю:

— Я, мамаша, сегодня вѣрю въ прекрасное будущее Россіи!

«— Да что такое, ты толкомъ скажи!..

«— На станціи Ахматовка жандарма за пьянство и взятки подъ арестъ посадили! Что, каково!

«— Да что же тутъ такого?

«— Какъ, маменька, что жъ такого! Нынче жандарма посадили, а завтра, глядишь, — равное, тайное и тому подобное...

«— Эхъ, Павлуша, Павлуша! — говорю, а у самой слезы.

Рис. Ре-ми.

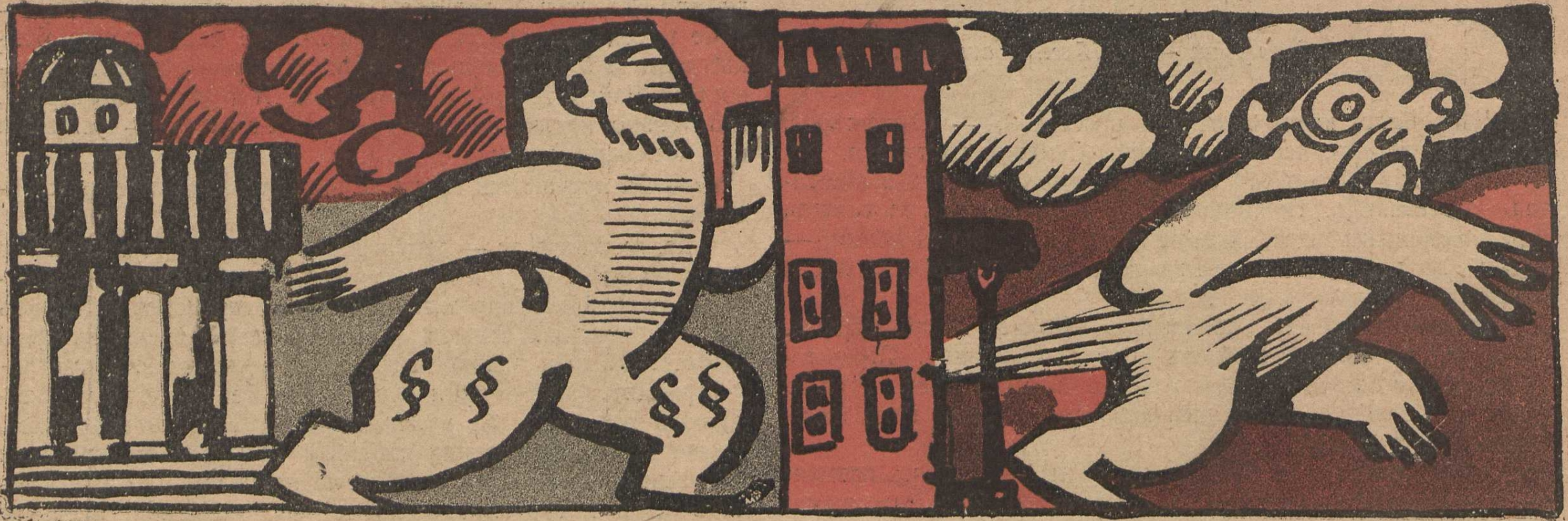


НА ОЛИМПѢ.

Григорій Распутинъ выпустилъ книгу «Мысли и размышленія».

Толстой, Гоголь и др.: — Вы, кажется, не туда попали!

Распутинъ: — Именно туда. Ничего, ничего... Сидите, старички. Хотя я въ такихъ салонахъ бывалъ, куда васъ ни въ жисть не пустили бы, да ничего ужъ. Грѣхъ, вѣдь, своимъ братомъ-писателемъ брезговать.



Из Государственной Думы вышел бодрый, радостный, на крепких ножках, законопроект „о разведении колибри, для получения нужного количества гуано для крестьянских земель, о насаждении пальм и об уничтожении жука кузьки“ — и увѣренной походкой направился в Государственный Советъ.

Полежал тамъ немного и выскочил оттуда, довольно потрепанный, но не ропталъ. Вѣрно вѣдь: если рожь у крестьянъ будетъ высокая да частая, какъ же ее, по вѣшнему виду, отъ помѣщичьей отличить?!



На мѣста пришелъ, къ губернатору.

— „Прошу, ваше-ство, меня исполнить по всѣмъ параграфамъ!“

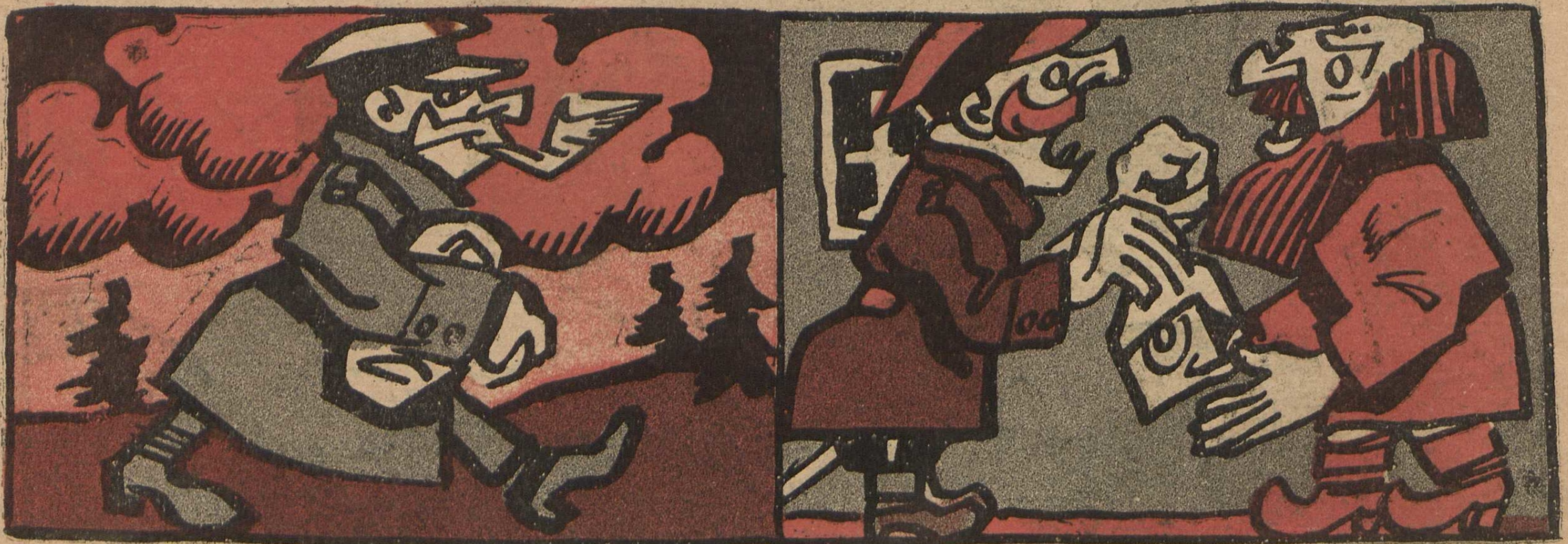
— Что такое?! Кто такой!?! Видите: занятъ... подождите.

Черезъ два мѣсяца сказалъ:

— „Пойдите вь мою канцелярiю и скажите, чтобы васъ столоначальникъ измѣнилъ немного, сообразно мѣстнымъ условiямъ и моимъ высшимъ соображенiямъ.“

— Исполните меня, г. столоначальникъ!

— Здѣсь о какихъ-то пальмахъ говорятъ. Пальмы вѣдь только вь оранжереяхъ бывають. Насади у насъ пальмы, — ну, сразу климатъ и перемѣнится, Африка станетъ, голыми ходить придется, — а это весьма безнравственно. Ну ихъ, пальмы-то! А кузьку можно — искоренять его, подлеца, надо...



И пошелъ потомъ урядникъ, съ законопроектъ, подмышкой по долинамъ и всѣмъ, разнымъ Холодаевкамъ да Голодаевкамъ радостную вѣсть объявлять. А по дорогѣ, чтобы скучно не было, кусочекъ бумажки оторвалъ и цыгарку сдѣлалъ.

— Вотъ, милъ человекъ, приказъ тебѣ. Тотчасъ же велѣно жука кузьку изничтожить.

— Помилуй! Какой же жукъ кузька — зимой?!

— Эхъ, ты! А долго ли снѣгъ расчистить, да рожь посеять, да кузьку завести? Законъ, милый, исполнять надо!

А кадеты собрались, другъ друга съ побѣдой поздравляютъ, обнимаются! Тошнехонько... А потомъ стала я старѣть да дряхлѣть; изъ карающей Немезиды-то въ приживалку превратилась! А отпѣтый-то мой, Марковъ II, тотъ прямо говорилъ:

«— Вамъ, маменька, давно ужъ пора изнѣженности нравовъ съ его высокопревосходительствомъ предаться: годы-то, вѣдь, уходятъ!

«— Эхъ, всякое было! Помню разъ, дремлю я въ уголочкѣ... вдругъ свистъ.—Господи!—думаю,—дожила, это въ моемъ-то домѣ полицейскій свистокъ!—Оказалось,—Митрофанушка шалить, Чхеидзе заглушить хотѣлъ. Да, милый, раньше-то ко мнѣ въ домъ гости въ мундирчикахъ какъ на великое судбище шли, — трепеща! И до сихъ поръ вспоминать люблю, какъ военный прокуроръ Павловъ, со страху, шапку свою забыть. Посмѣялась я тогда. А потомъ входили—какъ у себя—въ конюшню помѣщикъ входитъ,—хлыстикомъ по ботфортамъ похлопывая. Извѣстно, если Марковъ II, какъ стоялый жеребецъ ржетъ, почему и не похлопывать! Тоже много ихъ приходило, звѣздоносцевъ-то. Одинъ въ парламентѣ стоялъ передъ депутатами, а самъ все говорилъ:

«— Слава Богу, у насъ нѣтъ парламента!
Такой недовѣрчивый!

«Помню, какъ другой говорилъ: — Не запугаете!

«А что ужъ тутъ запугивать, когда зубръ послѣдніе цвѣты гвоздики сожралъ, а октябристы совѣсть свою совсѣмъ въ чашкахъ министерскаго чая утопили. Да, милый! Такъ вотъ я и существую. Эхъ, а вѣдь были же люди, гордые, смѣлые, — гдѣ-то они теперь? Была радость и вѣра въ побѣду, была-а...

Она наклонила голову, согбенная сидѣла на ступеняхъ, и уста ея тихо шептали (я едва разслышалъ): «Муромцевъ, Аникинъ, Юлосъ, Герценштейнъ, Алексинскій». Тоска наполнила сердце!

— Погоди, бѣдная русская конституція, погоди! Вѣдь опять идетъ работа, опять раздаются рѣчи, вся Россія, весь миръ слушаетъ ихъ! — закричалъ я.

— Не знаю, милый, стара, что ли, я стала, а не вѣрится! Гдѣ же имъ до тѣхъ, — тѣ орлы были! Бѣгають, суетятся: «Мы тыль, армія на насъ обопрется!» Первый разъ слышу, чтобы можно было опереться на мягкое, — на языкъ. Эхъ, а правые бѣгутъ-то какъ! Въ такое-то время, когда врагъ у порога, когда тамъ герои-мученики быются до послѣдней капли крови, а этихъ ко щамъ жирнымъ да къ бабамъ своимъ домой потянуло! Измѣна вѣдь это, милый! Родинъ измѣна!

Опять поникла она, и угрюмъ и усталъ былъ ея взоръ.

— Что же будетъ-то, скажи?!

Вѣтеръ поднялся, не разслышалъ я словъ ея, но видѣлъ, при тускломъ свѣтѣ фонаря, какъ огнемъ бѣшенства загорѣлись глаза ея, видѣлъ, — поднялась рука ея, какъ бы разя кого-то, и упалъ отъ этого жеста въ сѣрую грязь завядшій букетъ гвоздики, раскрылась одежда, и увидалъ, какъ мнѣ показалось, новый, расцвѣтшій ярко, букетъ гвоздики, — но это была красная рана, кровавая, незаживающая рана, которую нанесли ей 3-го іюня.

А. Радаковъ.

САМЪ ПО СЕБѢ.

Ходить гоголемъ Семашка
По дворамъ.

На бекрень висить фуражка,
Вся съ дырамъ.

Ходить, бродить съ хворостиной,
Сбился съ ногъ.

Ходить, бродить за скотиной
Пастушокъ.

— Ты заграй, моя волянка,
Ой, дуда!

Собирайся-ка, скотинка,
Во стада.

Эва!.. Солнце за дубровой
Занялось.

Аррршъ, корова за коровой,
Живва, хось...

На луга да на овражки,
Скотъ честной!..

Сдалъ письмо вчера Семашкѣ
Волостной.

А письмо-то объ тятяшкѣ, —
Любо-два!

Закружилась у Семашки
Голова.

Плохо пишетъ дядька Павелъ, —
Грамотей!

Ишь, крюковъ какихъ наставилъ, —
Попотѣй!

На бумагѣ на шершавой
Уголькомъ:

— «Спать твой тятяка подъ Аршавой
Вѣчнымъ сномъ.

Отъ чижолой тяткѣ доли
Отдыхъ данъ, —

Скрылъ его на бранномъ полѣ
Чемоданъ.

И мое такое слово,
Что — трудись.

Да за Павла Мигунова
Помолись»...

Ишь, ты!.. Спать теперь тятяшка...
Ну, и спи.

Спи, — со стадомъ сынъ Семашка
Во степи.

Сынъ до снѣгу обойдется...
Проживу!

Ну, а тятяка, глянь, вернется
Къ Покрову.

Ты заграй, моя волянка,
Мой рожокъ...

Собирайся-ка, скотинка,
На лужокъ.

Синя дудка моя...
Ухъ я!.. Ухъ я!..

Висялуха моя...
Ухъ я!.. Ухъ я!..

Евг. Вѣнскій.

СТУКЪ ВЪ СТѢНУ.

Когда въ Петроградъ прибыли первыя партіи бѣженскихъ бѣженцевъ, скупые на слова и спокойные англичане приняли этихъ людей чуждой имъ націи какъ своихъ ближнихъ. Никто не заботился о томъ, что предприметъ правительство по отношенію къ нимъ. Двери частныхъ домовъ раскрывались предъ ними, имъ несли деньги, пищу и одежду. Англійскія дамы хвалились другъ предъ другомъ количествомъ сдѣланнаго ими для бѣженцевъ...

Когда въ Петроградъ прибыли первыя партіи бѣженцевъ изъ русскихъ городовъ, зажиточное населеніе столицы заволновалось.

— Чортъ ихъ знаетъ... Что полиція-то смотритъ?! Напустили голодранцевъ, ходятъ они по улицамъ... Жрать хотятъ, пить хотятъ, скоро воровать будутъ...

— Ну, ужъ и воровать...

— А какъ же... Продадутъ за гроши послѣдній скарбъ, что дотащили сюда, а потомъ...

— Неужели за гроши?

— А какъ же? Кто имъ дорого дастъ, разъ жрать имъ нечего?!

— И хорошія вещи есть?

— Да у кого навѣрное золото или серебро было — все съ собой потащили...

— Вы знаете, это — мысль, надо сходить...

— Позвоните, если соберется... Я тоже загляну. Иной разъ бываетъ случай, что за безцѣнокъ такое достанешь...

* * *

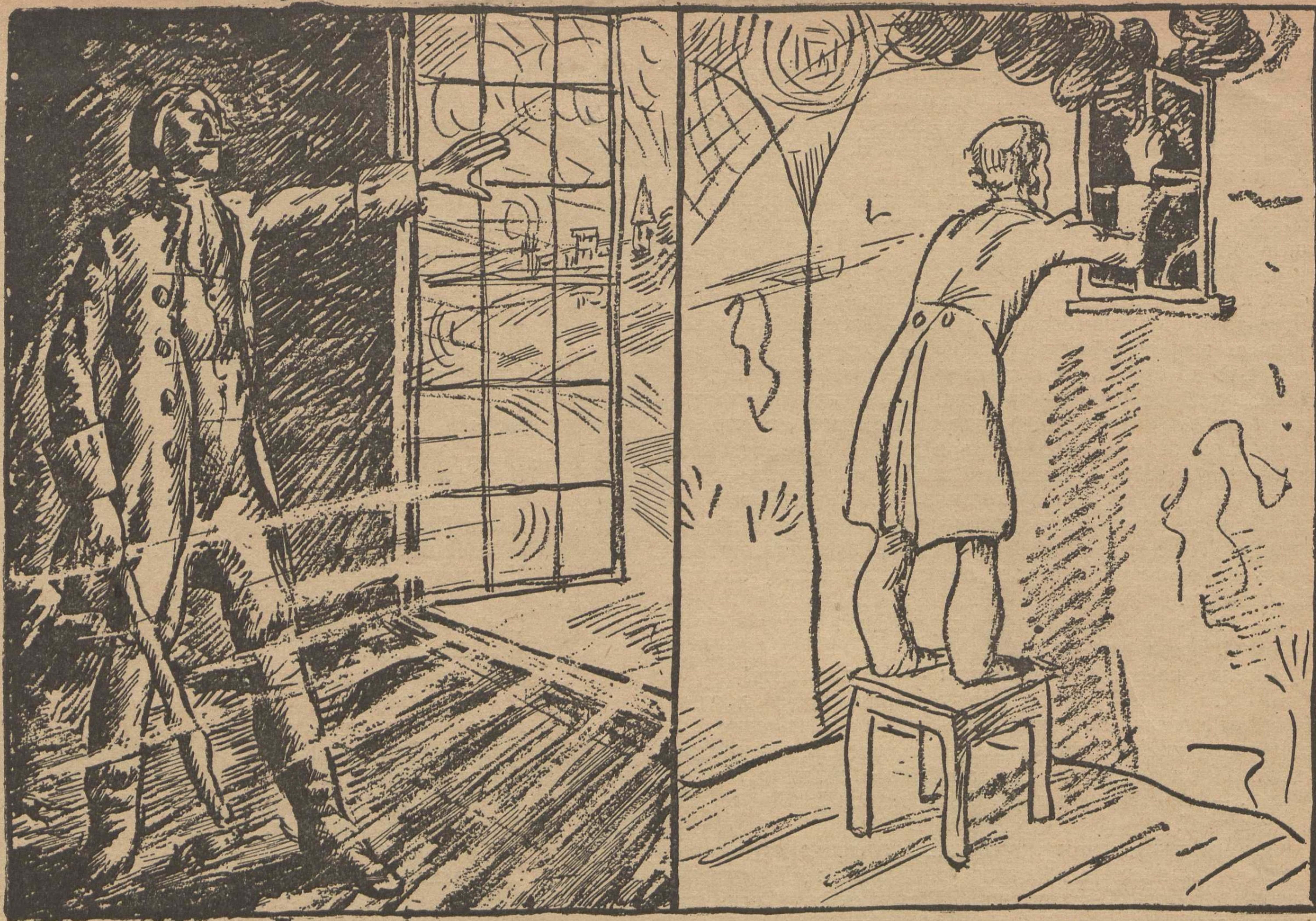
— Бѣженка... Тоже слово новое выдумали... А зачѣмъ вы бѣжали-то вообще?

— Простите, сударыня, обстоятельства...

— Ну, что тамъ, обстоятельства... Можеть, вы отъ мужа, отъ дѣтей сбѣжали, я почему знаю?!

— Вы, навѣрное, читали въ газетахъ, сударыня...

— А мало ли что въ газетахъ пишутъ... Вотъ вчера читала, какъ внучекъ дѣда въ селѣ торговомъ зарѣзалъ, а вы: «газеты, газеты»... Что вамъ собственно нужно?



Главначальствующій герода Москвы кн. Юсуповъ назвалъ безпорядки въ Москвѣ „открытіемъ форточки“.
(Изъ думской рѣчи.)

Петръ Великій: — Надо прорубить окно въ Европу!

Юсуповъ: — Я человекъ маленькій, — мнѣ бы хотъ форточку открыть.

— Я относительно работы...
— Вотъ тоже, работы... Въ прислуги бы шли, если ужъ такъ приспичило...
— Я все равно... Ребенокъ здѣсь у меня... Я бы пошла...
— Съ ребенкомъ еще... Такой прислугѣ четыре рубля цѣна... Грамотная?
— Училась въ гимназіи...
— Въ гимна-а-зіи... А шить умѣете?
— Немного.
— Немного? Да еще съ ребенкомъ? Да еще въ гимназіи тамъ... Нѣтъ, намъ не сговориться... А то бы взяла.
— Сударыня, быть можетъ...
— Четыре хотите? Вы только безъ окошечка разныхъ.
— Вы понимаете, такое положеніе...
— Ну, хорошо, хорошо, только, чтобы кавалеры не ходили... Мы съ мужемъ этого не любимъ...

* * *

— Чортъ ихъ знаетъ... Ничего въ этой газетѣ не найдешь...
— Не тамъ ищешь...
— Я вчера такъ и не попалъ туда... А славныя лошадки были... Не знаю, сколько за Арапа въ двойномъ выдавали... Ищу, ищу, а по всей газетѣ только эти одни...
— Кто, Коленка?
— Да вотъ эти бѣгуны, что ли... Тутъ статья о бѣгунахъ, тутъ телеграммы... Сто тысячъ, вотъ тутъ пишутъ...
— Такъ и идутъ всѣ вмѣстѣ?...
— Такъ и идутъ... Смѣшное зрѣлище... Рвань, на-вѣрное, всякая, кричать, ревать...
— Какъ бараны, прямо...
— Да, да, это ты вѣрно... Этотъ русскій народъ прямо... И какъ это надоѣло — бѣгуны, бѣгцы, бѣжники!..

* * *

— Ты знаешь, и какіе они страшные... Прямо одичали въ дорогѣ...
— Что ты?
— Увѣрю тебя... У меня такая душа, что не могу я

видѣть этого безъ слезъ... Подходить одинъ ко мнѣ, лично такъ одѣтъ... Работы просить... Должно быть, интеллигентный человекъ... Я ему и говорю: «Какая у меня для тебя работа можетъ быть?» На вотъ, возьми, говорю, гривенникъ, отнеси дѣтямъ...

— А онъ?
— Посмотрѣлъ на меня такъ, покачалъ головой и отошелъ... Я прямо глазамъ не повѣрила...
— Какое нахальство!...
— Вотъ вы понимаете... У меня такое сердце... И видъ у него страшный, въ другое время подойдетъ такой на улицѣ, какъ схватитъ за ридикюль, да какъ замахнется...
— Мама, я боюсь...
— Боже мой, простите, голубушка... Я и забыла, что тутъ дѣти...
— Мама, я боюсь... Это кто замахнется?
— Бѣженцы, дѣточка, бѣженцы...
— Я боюсь, мамочка...
— У, глупый какой... Папа твой здоровый, сильный, онъ пять бѣженцевъ побить можетъ... У папы большой револьверъ есть... Трусишка...

* * *

И если бываютъ такіе моменты, когда населеніе должно спрашивать правительство:

— А что дѣлаетъ по этому поводу правительство? — въ нѣкоторые моменты и правительство, съ котораго война то въ нѣкоторые моменты и правительство, съ котораго война деретъ семь шкуръ, можетъ спросить:
— А что дѣлаетъ населеніе по этому поводу?

...И когда всѣ бельгійскіе бѣженцы были размѣщены, накормлены и одѣты, — на митингѣ, въ Гайдъ-Паркѣ, одинъ изъ нихъ вмѣсто длинной рѣчи вышелъ и сказалъ просто: «Спасибо». Всѣ поняли, что это къ каждому изъ нихъ относится благодарность обездоленныхъ. И какъ, навѣрное, было стыдно тѣмъ, кто не имѣлъ права даже на частицу этой благодарности!..

Арк. Буховъ.

Т Р О Е *).

Разсказъ Аркадія Аверченко.

I.

Комната большая, но низкая.

Меблировка довольно однообразная: три стола, заваленные книгами, исписанной бумагой и газетами; три кровати, двѣ изъ которыхъ завалены тѣлами лежащихъ мужчинъ; и, наконецъ, три стула — ничѣмъ не заваленные.

Третья кровать — пуста.

Зато у ея изголовья прибита черная дощечка, какъ на больничныхъ кроватяхъ.

А на дощечкѣ написано:

«Подходцевъ — млекопитающее; жвачное, и то не всегда. Заболѣлъ женитьбой 11 мая 19...»

Выздоровѣлъ ».

— Клинковъ?

— Ну?

— У моей кровати сзади стоитъ безногая старуха съ косою.

— Худая?

— Очень.

— Жаль. А то можно было бы зарѣзать ее этой косою и съѣсть.

— Клинковъ?

— Ну?

— Увѣряю тебя, что тебѣ не нужны сѣрыя діагоналевыя брюки. Ну, на что они тебѣ?

— Нельзя, нельзя. И не заикайся объ этомъ.

— Ты и безъ нихъ обойдешься. Человѣкъ ты, все равно, красивый, мужественный — въ діагоналевыхъ ли брюкахъ или безъ нихъ. Наоборотъ, когда ты въ старыхъ, черныхъ — у тебя дѣлается очень такое благородное лицо. Римское. Ей Богу, Клинковъ, ну?

— Не проси, Громовъ. Все равно, это невозможно.

— Вѣдь я почему тебя прошу? Потому что — знаю — ты умный, интеллигентный человѣкъ. Въ тебѣ есть много чего-то этакого, знаешь, такого... ну, однимъ словомъ, чего-то замѣчательнаго. Ты выше этихъ побрякушекъ. Духъ твой высоко паритъ надъ земными суетными утѣхами и интеллектъ...

— Не подмазывайся. Все равно, ничего не выйдетъ.

— Вотъ дубина-то африканская! Видаль ли еще когда-нибудь мѣръ подобную мерзость!? Если ты хочешь знать, эти брюки сидятъ на тебѣ, какъ на коровѣ сѣдло. Да и немудрено: стоитъ только въ любой костюмъ всунуть эти толстые обрубки, которые въ минуты сатанинской самонадѣянности ты называешь ногами, чтобы любой костюмъ вызвалъ всеобщее отвращеніе.

— А зато у меня благородное римское лицо, — засмѣялся Клинковъ. — Ты самъ же давеча говорилъ.

— Съ голоду, братъ, и не то еще скажешь. Собственно, у тебя лицо, съ моей точки зрѣнія, еще лучше чѣмъ римское — оно напоминаетъ хорошо выпеченную булку. Только жаль, что въ нее запечены два черныхъ тусклыхъ таракана.

Клинковъ, не слушая товарища, закинулъ руки за голову и мечтательно прошепталъ:

— Пирожки съ ливеромъ... Я разрѣзываю пирожокъ, вмazyваю въ нутро добрый кусокъ паюсной икры, масла и снова складываю этотъ пирожокъ. Онъ горячій, и масло таетъ тамъ внутри, пропитывая начинку... Я выпиваю рюмочку холодной англійской горькой, потомъ откусываю половину ливернаго пирожка съ икоркой... Горяченькаго...

— Чтобъ тебѣ подавиться этимъ пирожкомъ.

— Я иду даже на это. Давай раздѣлимъ трудъ: ты доставай мнѣ подобные пирожки, а я беру на себя — давиться ими.

— Хороша бываетъ вареная колбаса, положенная толстымъ ломтемъ на кусокъ развѣснаго сѣраго хлѣба, — замѣтилъ непритязательный Громовъ и, помедливъ немного, сдѣлалъ дипломатическій шагъ совсѣмъ въ другую область:

— Теперь, собственно говоря, въ свѣтъ уже перестали носить сѣрыя діагоналевыя брюки. Это считается устарѣвшимъ. Мнѣ говорилъ одинъ прожигатель жизни, графъ.

— Пусть меня убьютъ, если ты не выдумалъ сейчасъ этого графа.

— Свинья.

— Серьезно?

— Хуже свињи. Если бы ты былъ только свинья, я бы зажарилъ тебя и съѣлъ.

— Перешелъ бы, такъ сказать, въ самоѣды?

— Въ лопари, во всякомъ случаѣ. А знаешь, что я тебѣ скажу?

— Воображаю.

— Пойдемъ къ Подходцеву. У него, навѣрное, есть какой-нибудь харчъ.

II.

Лѣниво-ироническое выраженіе лица Клинкова измѣнилось. Будто вѣтромъ сдуло.

Онъ всталъ съ кровати, сжалъ губы и сказалъ твердо и значительно:

— Что бы съ нами ни случилось, не смѣй даже и говорить мнѣ объ этомъ.

— Почему?

— Почему, почему? Да по тому самому, о чемъ и ты думаешь! По тому самому, по той самой причинѣ, по которой и ты до сихъ поръ, выискивая самые различные и тупоумные способы нашего пропитанія, все время умалчивалъ о Подходцевѣ! Казалось бы — до чего просто! У насъ нѣтъ денегъ, мы голодны. У насъ есть товарищъ и другъ Подходцевъ, у котораго есть деньги, припасы и серебряныя лопаточки для икры. Чего проще? Пойти къ товарищу Подходцеву и воспользоваться всѣмъ этимъ! Однако, ты до сихъ поръ, корчась на кровати отъ голодухи, даже не подумалъ объ этомъ?

Громовъ проворчалъ угрюмо:

— Однакоже, вотъ, — подумалъ.

Клинковъ снова вернулся на свою кровать, зарылъ лицо въ подушку и сказалъ неопредѣленнымъ тономъ:

— Однако, значить, ты очень голоденъ. Ты еще голоднѣе меня.

Громовъ молчалъ.

— Пойти къ Подходцеву!.. — снова началъ Клинковъ. — Конечно, Подходцевъ намъ будетъ очень радъ, дастъ намъ все, что мы попросимъ, приласкаетъ насъ. Да! Но вѣдь Подходцевъ теперь самъ себя не принадлежитъ. Подходцева нѣтъ! Онъ растворился. Мы найдемъ теперь не Подходцева, а «мужа Перепетуи Панкратьевны!» Зачѣмъ же мы будемъ обворовывать Перепетую? Когда мы у нихъ были въ гостяхъ и ѣли разные деликатесы — ты думаешь, они мнѣ легко въ горло лѣзли, эти деликатесы? Подходцевъ — другъ намъ, но Перепетуя? Кто она намъ такая? Простая посторонняя женщина, свившая себя со своимъ самцомъ гнѣздо и не желающая, чтобы посторонніе самцы прилетали въ это гнѣздо лопать тѣхъ червяковъ, которыхъ эта благополучная пара промыслила. Понялъ? У холостого Подходцева я заберу все, да еще наиздѣваюсь надъ нимъ, потому что онъ то же самое можетъ продѣлать со мной. У женатаго Подходцева я не возьму бутерброда съ колбасой.

Громовъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ слѣдилъ за разгорячившимся Клинковымъ.

— Толстякъ! — со скрытымъ чувствомъ уваженія пробормоталъ онъ. — У тебя есть принципы?..

— Да-съ, — засмѣялся Клинковъ застѣнчиво и чуть-чуть сконфуженно. — Только это такая вещь, которую нельзя зажарить на сливочномъ маслѣ и подавать съ картофельнымъ пюре.

— Гм... да. Это скорѣе для наружнаго употребленія. Значить, Подходцевъ провалился?

— Да. Скорѣй я свои діагоналевыя пушу въ ходъ.

— Ну, пусти!

— Завтра.

— Смотри! Онѣ и сегодня вышли уже изъ моды, а завтра онѣ сдѣлаются на одинъ день старомоднѣе и еще больше упадутъ въ цѣнѣ.

— Вещь, которая теряетъ цѣну какъ модная, постепенно приобрѣтаетъ цѣнность какъ античная, — сентенциозно замѣтилъ упрямый Клинковъ...

*) См. рассказы въ предыдущ. №№ „Нов. Сат.“.

III.

Меньше всего Клинковъ и Громовъ ожидали въ эту минуту Подходцева.

Можетъ быть, именно поэтому Подходцевъ и вошелъ въ комнату.

Оба, какъ ужаленные, обернулись къ нему, хотѣли что-то спросить, но, увидѣвъ въ его рукѣ чемоданъ, деликатно замолчали, и только любопытные глаза ихъ исподтишка слѣдили за Подходцевымъ.

Подходцевъ бросилъ чемоданъ въ уголъ, снялъ пальто, шляпу, легъ на свою, пустовавшую до того, кровать и разсѣяннo сталъ глядѣть въ потолокъ.

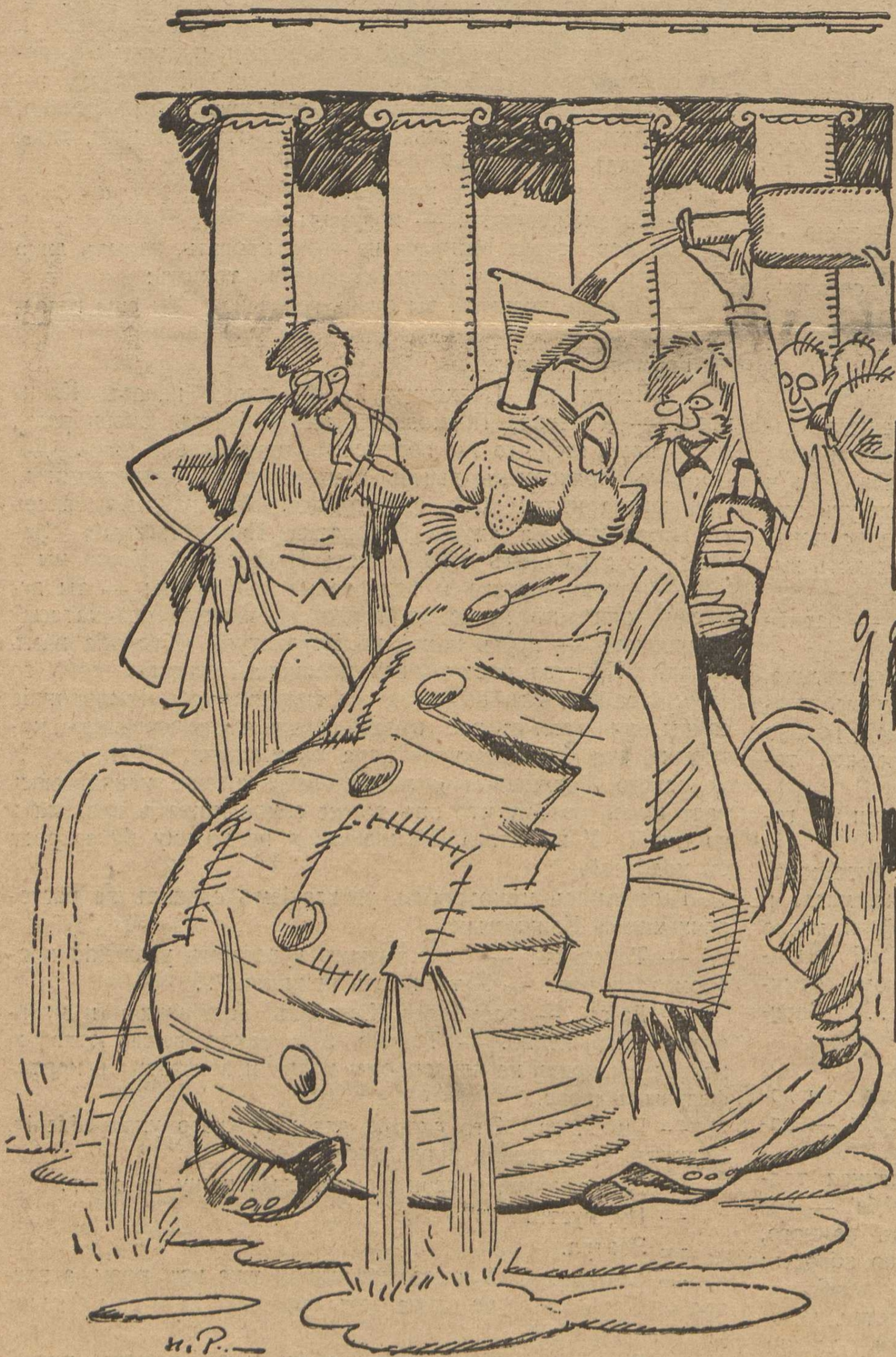
Клинокъ потихоньку всталъ со своего ложа, отыскалъ на подоконникѣ кусочекъ мѣлу и, подойдя къ подходцевской кровати, твердой увѣренной рукой написалъ на дощечкѣ около слова «выздоровѣлъ» — сегодняшнее число.

Подходцевъ приподнялся на локтѣ и съ любопытствомъ прочелъ:

— «Подходцевъ — млекопитающее; жвачное, и то не всегда. Заболѣлъ женитьбой 11 мая 19... Выздоровѣлъ 15 августа 19...»

Ничего не возражая противъ свѣжей приписки, онъ, однако, выразилъ сомнѣнiе по поводу предыдущаго опредѣленiя.

СОВѢТЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЪ.



— Не вливайте вина новаго въ мѣхи старые.

— Вотъ тутъ у васъ сказано: «жвачное»... Какое же я жвачное, если вы мнѣ ничего не даете жевать?

— Ты голоденъ, Подходцевъ?

— Какъ волкъ. Я вѣдь ушелъ отъ роскошнаго, обильнаго ужина.

— Что ты говоришь!

Подходцевъ сѣлъ на кровати и долго молчалъ, будто собираясь съ мыслями.

— Передъ ужиномъ пили чай: Марья Кондратьевна, Лидiя Семеновна, Зоя Кирилловна, Артемiй Николаичъ, Петръ Васильичъ и Чортъ Иванычъ. Разговоръ: «Что это давно не видно Марьи Захаровны?» — «Вы развѣ не знаете? Она поѣхала въ Москву!» — «Ну, что вы говорите! И надолго?» — «Опредѣленно вамъ не могу сказать. Кажется, дней на пять». — «А какъ же дѣти?» — «Опредѣленно вамъ не могу сказать, но, кажется, старшенькую взяла съ собой, а Бобикъ остался съ нянькой. Да, кромѣ того, у нихъ гоститъ вѣдь ея сестра Пелагея Владимiровна». — «Что вы говорите! И давно она прiѣхала къ нимъ?» — «Опредѣленно не могу сказать, но, кажется, уже недѣлю живетъ». — «Что вы говорите! Уже недѣлю? А мужъ ея, значить, остался въ Киевѣ?» — «Опредѣленно не могу сказать, но, кажется, она говорила, что его перевели въ Харьковъ». — «Да что вы говорите! А какъ же ихъ сынъ Володя, который...» Тутъ

я больше не выдержалъ. Откинулъ ногой стулъ, всталъ и вышелъ къ себѣ въ комнату. Догнала жена. «Куда ты, милый? Кстати, надо завтра намъ поѣхать къ Пелагеѣ Владимiровнѣ, а то неловко». Я говорю: «Пусть она издохнетъ, твоя Пелагея Владимiровна!» Жена въ слезы: «Ты въ послѣднее время сталъ невыносимъ. Тебѣ мои гости и родственники не нравятся. И сейчасъ тоже...» — «Что сейчасъ?!» — «Устраиваешь исторiю, въ то время, когда гости за столомъ. Почему ты ушелъ?» — «Потому что я предпочиталъ бы, чтобы они были на столѣ!» — «Ахъ, такъ?! Въ такомъ случаѣ, я уѣзжаю къ мамашѣ...» — «Правильно. Удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ жила съ такимъ мерзавцемъ!» Уложилъ свои вещи и вотъ — къ вамъ! А вы какъ живете?

— Какъ живемъ? Да теперь, братъ, когда ты обратился въ первобытное состоянiе, можемъ сказать прямо: вчера вечеромъ пили чай.

— И только? Голый чай?

— Нѣтъ. Громову въ стаканъ попала муха. Такъ что чай былъ съ варенымъ мясомъ.

— Одѣвайтесь, — лаконично сказалъ Подходцевъ.

IV.

По улицамъ бродили, не спѣша, съ толкомъ читая вывѣски рестораноу и выбирая наиболее подходящiй.

— Ресторанная жизнь, — замѣтилъ повеселѣвшiй Клинокъ, — прiучаетъ человѣка къ чтенiю. Сколько приходится читать: сначала вывѣску, потомъ меню, потомъ — счетъ...

— Чтенiе послѣдней литературы, я беру на себя, — важно возразилъ Подходцевъ. — Дорогiе мои, чего вамъ хочется?

— Закажи пирожковъ съ ливеромъ, да чтобы масло дали и паюсной икры, — задумчиво сказалъ Клинокъ.

Громовъ скромно освѣдомился:

— А нѣтъ ли тутъ вареной колбасы?

Заказывали долго и серьезно.

А когда принесли, между прочими яствами, и свиныя котлеты, и слуга спросилъ, кто ихъ будетъ ѣсть, Клинокъ, указывая на Подходцева, серьезно сказалъ:

— Свиныя котлеты — ему! Ибо сказано: кесарево кесареви!..

Подходцевъ засмѣялся, зажмурился и сказалъ, сдерживая радостныя нотки, прорывавшiяся въ голосъ:

— Боже, какъ я счастливъ, что снова съ вами.

А Громовъ льстиво поддакнулъ:

— Дуракамъ всегда счастье...

Арк. Аверченко.



1905 г.

— Прошу не оборачиваться и идти за мной покорно.

„Упущение времени — смерти подобно“.
(Петръ I.)

1915 г., 6 августа.

— Ну вот, вы боялись, а я и привелъ васъ къ тому же мѣсту. Ну-съ, сударыня! Принимайтесь за работу. Мы ждемъ.

ВЕЛИКОЛЪПНЫЯ НЕЛЪПОСТИ.

Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крѣпости?
Какъ вамъ не стыдно вѣрить
Нелѣпости?!

Просто именинникъ устроилъ карнавалъ,
Выдумалъ для шума стрѣльбу и тирь,
А самъ, по-жабы присѣвъ на валъ,
Вымаргивается, какъ изъ мортирь.

Громокъ хозяина бась какъ,
Просто похожъ на пушечный.
И не отъ газа маска,
А ради шутки игрушечной.

Смотрите!
Небо мѣрить
Выбѣжала ракета.
Развѣ такъ красиво смерть.
Бѣжала бъ въ небѣ паркета!

Ахъ, не говорите «кровь изъ раны»,
Это дико!
Просто избранныхъ изъ бранныхъ
Одаривали гвоздикой.

Какъ же иначе,
Мозгъ не хочетъ понять и не можетъ:
У пушечныхъ шей,
Если не цѣловаться, то для чего же
Обвиты руки траншей

Никто не убитъ!
Просто не выстоялъ.
Легъ отъ Сены до Рейна.
Отъ того, что цвѣтетъ, одуряетъ желтолистая
На клумбахъ изъ убитыхъ гангрена.

Не убиты, нѣтъ же, нѣтъ,
Всѣ они встанутъ просто вотъ такъ,
Вернутся и улыбаясь расскажутъ женѣ,
Какой хозяинъ весельчакъ и чудакъ.

Скажутъ, что не было ни ядръ, ни фугасовъ
И, конечно же, не было крѣпости:
Просто именинникъ выдумалъ массу
Какихъ-то великолѣпныхъ нелѣпостей.

Вл. Маяковский.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Необходимая справка.

Циркуляръ о бродячихъ инородцахъ многими былъ понятъ, очевидно, какъ мѣра выясненія правильности выборовъ въ Государственную Думу. По крайней мѣрѣ,

Членъ третьей Гос. Думы И. А. Мельниковъ получилъ отъ начальника матеріальной службы Риги-Орловской жел. дор. слѣдующій курьезный документъ, за № 8436, отъ 11 июля т. г.:

„Прошу васъ о высылкѣ удостовѣренія отъ полиціи о томъ, что вы дѣйствительно есть русской подданный, безъ котораго уплата денегъ вамъ произведена бытъ не можетъ“.

Удивительно, почему членъ Гос. Думы И. А. Мельниковъ не былъ опрошенъ — достигъ ли онъ 16-лѣтняго возраста и не былъ ли онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ убитъ въ Марокко, какъ абиссинскій подданный.

Гости и хозяева.

Бываютъ люди, которыхъ рискованно пускать въ домъ. Пообѣдавъ, они начинаютъ бить электрическія лампочки, рвать обои и поливать водой кожаныя кресла. По такой системѣ нѣмцы ведутъ себя въ Америкѣ. По словамъ „Русскаго Слова“,

Нѣмцы пытались подкупить вожаковъ рабочихъ, чтобы вызвать забастовки на заводахъ, изготовляющихъ военныя припасы.

Нѣмцы пытались организовать цѣлый финансовый заговоръ при помощи банковъ, находящихся въ рукахъ нѣмцевъ и германо-американцевъ.

Нѣмцы пытались отравить партіи лошадей и муловъ въ Новомъ-Орлеанѣ.

Нѣмцы стремились вызвать инциденты между Соединенными Штатами и Мексикой.

Впрочемъ, судя по медлительности германо-американскихъ переговоровъ, есть хозяева, которымъ такое поведеніе не кажется страннымъ. Мы понимаемъ, когда во время воскреснаго отдыха американцы кладутъ ноги на рѣшетку камина, но

зачѣмъ позволять нѣмцамъ класть ноги на столъ, тѣмъ болѣе въ будни?

Труженики и безработные.

Григорій Петровъ рассказываетъ, что

У германцевъ, на примѣръ, кромѣ всякихъ другихъ военныхъ командъ, есть спеціальныя команды поджигателей, гдѣ нужно налить лѣса, поля, жилища. И есть, обратно, команды тушителей, со всѣми противопожарными приспособленіями.

Къ сожалѣнію, въ то время какъ первыя команды завалены непосильной работой, вторыя жалуются на фатальную безработицу.

Персидскій бытъ.

Въ Персіи, очевидно, очень странный образъ правленія, если, судя по газетнымъ сообщеніямъ,

Въ связи съ усиленіемъ австро-германской агитаціи, персидское правительство обратилось къ Англіи и Россіи съ ходатайствомъ о предоставленіи средствъ для созданія нѣсколькихъ туземныхъ полковъ, которые подчинялись бы непосредственно персидскому военному министру.

У германскаго посла въ Тегеранѣ, очевидно, — отвѣтственная роль гоголевской свиньи, которая забѣгала въ канцелярію и съѣдала важныя бумаги. Но вѣдь и въ Миргородѣ обратились просто къ помощи хорошей палки, вмѣсто Англіи и Россіи...

Провинціальный водевиль.

Денщикъ изъ офицерскаго анекдота, который спуталъ два двугривенныхъ, иногда оказывается несравненно сообразительнѣе многихъ канцелярій губернаторовъ.

Какъ объ этомъ пишутъ газеты:

Въ Тифлисѣ около мѣсяца тому назадъ было получено по телеграфу сообщеніе о воспреценіи, безъ особыхъ разрѣшеній, вѣзда въ Петроградъ, вслѣдствіе чего на всѣхъ станціяхъ Закавказскихъ жел. дорогъ билеты лицамъ, желавшимъ ѣхать въ Петроградъ, не продавались. Въ Тифлисѣ, въ виду этого, канцелярія губернатора была положительно завалена прошеніями со стороны лицъ, которымъ необходимо было ѣхать въ столицу, и въ пріемной губернатора ежедневно толпились десятки самихъ просителей. И вдругъ на-дняхъ выяснилось, что напуталъ „шалунъ“-телеграфъ, передававшій на Кавказъ распоряженіе, относившееся не къ Петрограду, а къ Ивангороду... Невѣрно передано было только одно слово „Петроградъ“, вмѣсто „Ивангородъ“.

Интересно — кто получаетъ авторскій гонораръ за постановку такихъ водевилей и есть ли такое узаконенное общество, которое блюдетъ не только интересы автора, но и пострадавшихъ?

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Намъ цензоръ встарь давалъ «уроки»,
Но какъ бы цензоръ ни былъ строгъ, —
Въ статьяхъ обычно были строки,
И мы читали между строкъ.

Теперь беру газетъ я груду,
Но въ нихъ зіяютъ «островки»:
Какъ между строкъ читать я буду
Статью, въ которой — ни строки?..

Мих. Пустынинъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
СПЕЦІАЛЬНЫЙ № „НОВ. САТИРИКОНА“

„О ВЗЯТКѢ“.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменныя отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Георгію Алексѣеву. Къ сожалѣнію, не подошло. — Пав. Мих. Не подошло.

Б. Москва.

Гаазу. Дм. К. Не подошло.

В. Провинція.

Гомель. В. Лейкиной. Рисунки плохи. — Славянскъ. Е. Милину. — Екатеринодаръ. Г. Чекалову. — С. Кимры, Тверск. губ. Н. Николину. Дѣйствующая Армія. П. Я. П.

Владикавказъ. Л. В. — Саратовъ. Читателю И. К. Все присланное не подошло

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫТЯЖКА
ИЗЪ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ
лабораторіи
Д. КАЛЕНИЧЕНКО

ПРИМѢНЯЕТСЯ ПРИ:

Неврастениі, истеріи, невраль-
гіи, старческой дряхлости, ма-
локровіи, подагрѣ, артеріоскле-
розѣ, хронич. разстройствѣ
питанія, общей слабости отъ
тяжкихъ болѣзней и проч.

Отпускается изъ аптекъ по рецеп-
тамъ врачей.

Вытяжка изъ сѣменныхъ
железъ изготовляется есте-
ственнымъ путемъ.

Гг. врачамъ сѣменная вы-
тяжка лабораторіи Д. Кале-
ниченко для наблюдений вы-
сылается **БЕЗПЛАТНО.**

ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ
БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной
вытяжки въ продажѣ 2 р. 50 к.,
пересылка — 40 к., пересылка
свыше одного флакона —
БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Органотерапевти-
ческая лабораторія Д. Ка-
лениченко, Москва, Козлов-
скій пер., д. 10, кв. 290.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

2-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

3-е изданіе. — Цѣна 50 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — Ц. 1 р. 25 к.

КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ОСИНОВЫЙ КОЛЪ.

(На могилу зеленаго змія.)

Текстъ:

АРК. АВЕРЧЕНКО, ТЭФФИ,
А. БУХОВА, И. ГУРЕВИЧА.

Иллюстраціи:

А. РАДАКОВА, РЕ-МИ и
В. ЛЕБЕДЕВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Поступила въ продажу новая книга (выпускъ Дешевой Библиотеки):

А. Аверченко. — ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Цѣна 10 коп.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

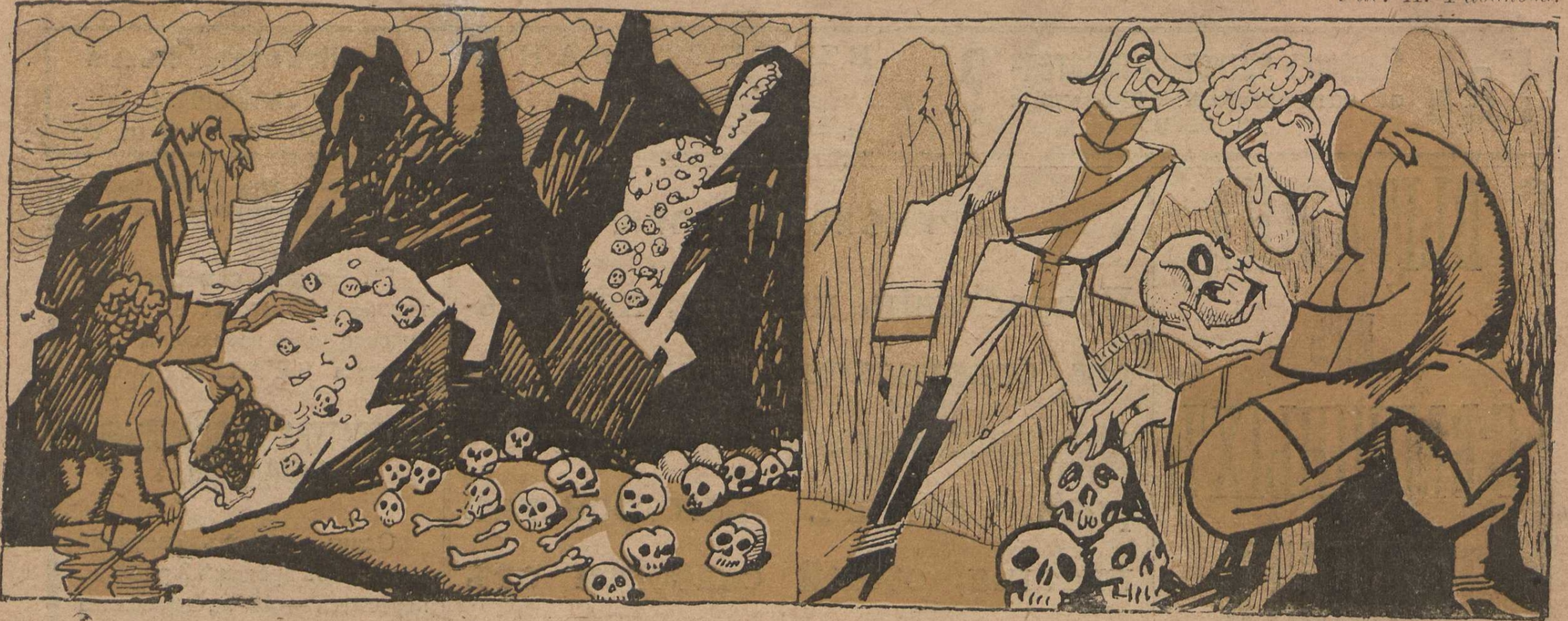
„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6** руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

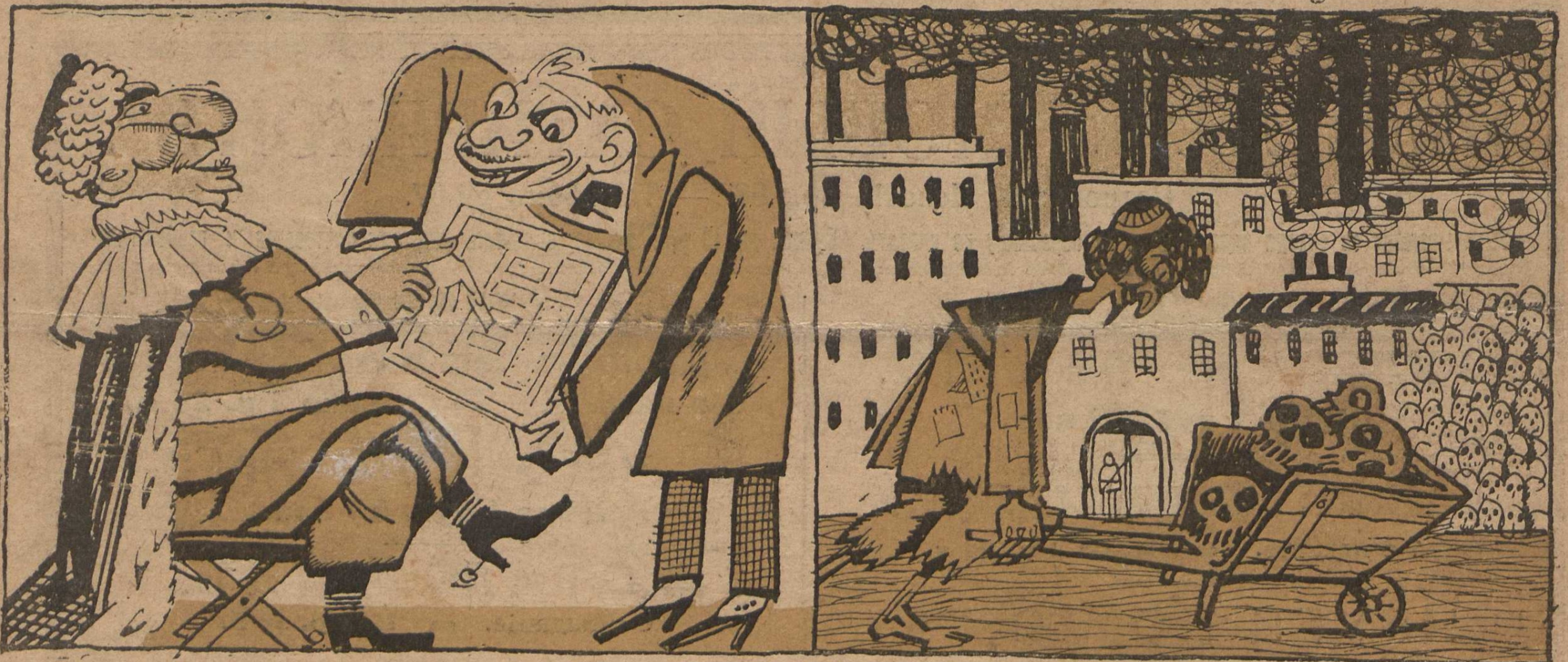
Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.



— Вот видишь, — говорил старый болгаринъ, — это все русскія кости. Здѣсь наши братья-русскіе сложили свои головы въ борьбѣ за нашу свободу. Это святія кости, внучекъ.

— Вотъ видите,—говорилъ нѣмецъ королю Фердинанду: — это все кости тѣхъ русскихъ воиновъ, которые сложили свои головы на болгарскихъ поляхъ за вашу свободу.

Фердинандъ: — О, святые останки! Не нужно допускать, чтобы они валялись зря по пустыннымъ полямъ. Надо воздвигнуть для нихъ достойное зданіе!



— Вотъ... стройте полюбавшее зданіе для костей нашихъ бывшихъ защитниковъ — по этому плану.

Построили...
И задымилъ и заработалъ большой костеобжигательный заводъ...



— Вотъ полюбуйтесь! Я устроилъ костеобжигательный заводъ исключительно для очисти сахара. Смотрите, какой чудесный сахаръ...

И пили главный болгаринъ и нѣмецъ чай и, откусывая по кусочкамъ сахаръ, обсуждали оба, какъ провезти половчье въ Турцію снаряды и оружіе.

Потому, главное на свѣтѣ — выгода.